

С. Л. Ленков
Н. Е. Рубцова
Г. И. Ефремова

DOI 10.24411/1813-145X-2019-1-0567
УДК 159.9:37.015.3
<https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>
<https://orcid.org/0000-0002-1323-4741>
<https://orcid.org/0000-0002-4648-7104>

Опросник вовлеченности в киберсоциализацию

Для цитирования: Ленков С. Л., Рубцова Н. Е., Ефремова Г. И. Опросник вовлеченности в киберсоциализацию // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 109-119.

В статье приведены результаты разработки нового психодиагностического опросника, предназначенного для определения степени и характера вовлеченности в киберсоциализацию молодежи в возрасте от 14 до 30 лет. Киберсоциализация в рамках исследования понимается как специфическая атрибутивная составляющая общего современного процесса социализации, объединяющая множество разнородных социализирующих процессов, осуществляемых с помощью современных информационных технологий и рассматриваемых в неразрывной связи с характерными для них отношениями и взаимодействиями. Опросник содержит 27 заданий и позволяет получить оценки выраженности двух принципиально различных (но при этом неальтернативных, взаимоисключающих) способов вовлеченности в процессы киберсоциализации, соответствующих шкалам деструктивной и конструктивной вовлеченности. Шкала деструктивной вовлеченности объединяет проявления вовлеченности в киберсоциализацию в различных негативных аспектах, связанных с такими феноменами, как эскапизм, троллинг, кибербуллинг, специфические аддикции и др. Шкала конструктивной вовлеченности, в свою очередь, объединяет позитивные проявления вовлеченности в киберсоциализацию, направленные на адекватное субъектное и личностное развитие, и дополнительно содержит три субшкалы, ориентированные на выявление специфической (связанной с киберсоциализацией) конструктивной, соответственно, мотивации, личностной позиции и компетентности. Психометрическая проверка проведена на выборке, включившей 305 представителей российской молодежи (школьников, студентов, работающих и безработных молодых людей), женского (143 человека) и мужского (162 человека) пола в возрасте от 14 до 30 лет. Обоснована содержательная, критериальная и конструктивная валидность опросника. Надежность по внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для шкал и субшкал опросника варьирует в пределах от 0.79 до 0.83, ретестовая надежность – в пределах от 0.79 до 0.89. Предложенный опросник является одной из первых попыток психометрической операционализации конструкта «вовлеченность в киберсоциализацию» как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Аргументирована целесообразность применения данного опросника в практике образования и психолого-педагогической поддержки социализации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, вовлеченность в киберсоциализацию, конструктивная вовлеченность, деструктивная вовлеченность, мотивация, компетентность, личностная позиция, психодиагностический опросник, психометрические свойства, валидность, надежность.

S. L. Lenkov, N. E. Rubtsov, G. I. Efremova

The cyber socialization engagement questionnaire

The article presents the results of the development of a new psychological diagnostic questionnaire designed to determine the extent and nature of the engagement in a cyber socialization of a youth aged 14 to 30 years. In the study a cyber socialization is understood as a specific attribute part of the common modern process of socialization, uniting many diverse socializing processes using modern information technologies and considered in close connection with their characteristic relations and interactions. The questionnaire contains 27 items and allows us to assess the expression of two fundamentally different (but not alternative, mutually exclusive) ways of engagement in the cyber socialization processes, corresponding to the scales of destructive and constructive engagement. The destructive engagement scale combines symptoms of the cyber socialization engagement in various negative aspects associated with such phenomena as escapism, trolling, cyber bullying specific addiction, etc. In turn, the constructive engagement scale combines the positive manifestations of the cyber socialization engagement to adequate subjective and personal development, and further comprises three subscale focused on the detection of specific (associated with cyber socialization) design, respectively, motivation, personal position and competence. The psychometric testing was carried out on a sample of 305 representatives of Russian youth (students, schoolchildren, working and unemployed young people), female (143 person) and male (162 person), aged from 14 to 30 years. It was substantiated the content, criteria and construct validity

of the questionnaire. Internal consistency reliability (Cronbach's alpha) for scales and subscales of the questionnaire varies from 0.79 to 0.83, retest reliability – from 0.79 to 0.89. The proposed method is one of the first attempts of psychometric operationalization of the construct «the cybersocialization engagement» in both domestic and foreign psychology. It justifies expediency of application of this questionnaire in the educational practice and psychological and pedagogical support of the young people socialization.

Keywords: youth, the cyber socialization engagement, constructive engagement, destructive engagement, motivation, competence, personal position, psychological diagnostic questionnaire, psychometric properties, validity, reliability.

Введение

На протяжении последнего столетия развитие социума характеризовалось непрерывающейся чередой больших и малых информационных революций, приводящих к возникновению новых видов информационного взаимодействия, средств передачи и хранения данных, информационных технологий. Особенно интенсивными подобные процессы стали с середины 1990-х гг. в связи с развитием сетевых технологий и специальных компьютерных сред (виртуальной реальности и т. п.), а также разнообразных средств индивидуального и группового доступа к ним, начиная с персональных компьютеров и сотовых телефонов и продолжая их все более совершенными преемниками и диверсификатами.

Все это обусловило глубинные, качественные изменения социокультурного и технико-технологического информационного базиса жизнедеятельности общества, которые различные авторы метафорически описывают терминами «информационное общество» (англ. *information society*), «общество, основанное на знаниях» (*knowledge society*), «цифровая эра» (*digital era*), «киберпространство» (*cyberspace*) и др. [13, 16]. Подобные изменения являются тотальными, затрагивая разнообразные аспекты жизни человека, в том числе социализацию, которая в современных условиях приобрела новую, качественно специфичную составляющую, получившую название *киберсоциализации*.

В последние годы разнообразные аспекты киберсоциализации детей и молодежи широко изучались в психологии и смежных науках (см. [1, 4, 16, 24]). При этом понятие киберсоциализации (*cyber socialization* [17, p. 123]) является не единственным конструктом, используемым при анализе подобных проблем. Сущностные проявления феномена «киберсоставляющей» социализации изучаются также с использованием понятий онлайн-социализации [15], интернет-социализации [9, 21], цифровой социализации [13, 16, 27], социализации в социальных сетях [29], медиасоциализации

зации [26], виртуальной социализации и др. (см. [9, 24]).

Общим итогом подобных исследований является следующий установленный факт: по отношению к социализации погружение человека в киберпространство, его включение в разнородные процессы, деятельности и взаимодействия, опосредованные таким пространством, имеет как позитивные, так и негативные проявления и последствия, обладая в итоге неоднозначным, амбивалентным характером [5, 11, 13, 16, 24].

Изучению каждой из сторон киберсоциализации – позитивной и негативной – по отдельности уделялось широкое внимание. Особенно широко исследовались различные негативные проявления киберсоциализации, в том числе широко распространявшиеся (такие как чрезмерное использование Интернета; интернет-, айфон-, игровая, компьютерная и иная т. п. зависимость; троллинг и др.), равно как и обладающее значительной социальной опасностью, высокой степенью деструктивности (такие как эскапизм, кибербуллинг, феномены хикикомори, «групп смерти» и др.) [2, 6, 7, 8, 10, 20, 28 и др.]. Позитивные проявления киберсоциализации целенаправленно исследуются реже, но количество подобных работ в последние годы также велико [1, 5, 14, 19, 22, 23 и др.].

Таким образом, с одной стороны, общее повышение роли киберсоциализации в жизни молодых людей не вызывает сомнений («поколение Z» и т. п.). С другой – по-прежнему остается неясным, как именно, в каком соотношении, с каким взаимодействием позитивная и негативная стороны киберсоциализации представлены в жизни конкретного молодого человека? Каким окажется результирующий итог такого совместного влияния киберсоциализации на общую, целостную социализацию личности?

Серьезным препятствием на пути решения подобных проблем является фактическое отсутствие операционализации конструкта «вовлеченность в киберсоциализацию», позволяющей учесть амбивалентность его содержания.

Анализ современных работ в данном направлении показал, что для диагностики негативных

проявлений киберсоциализации создано большое количество опросников (S.-H. Chen, R. A. Davis et al., K. Young и др.) [3, 7], в то время как для диагностики позитивных проявлений применяются в основном качественные методы, предусматривающие использование анкет, интервью, автобиографических описаний, фокус-групп, контент-анализа, диагностических карт, экспертной оценки [1, 27]. Специализированные методики здесь ограничены преимущественно компетентностным аспектом, включая соответствующие тесты достижений (в цифровой грамотности, знании интернет-технологий, навыках сетевой коммуникации и др.) [14]. В итоге надежных и валидных методов психодиагностики общей вовлеченности в киберсоциализацию пока фактически не создано.

Цель исследования состояла в разработке психодиагностической методики для определения степени и характера вовлеченности молодого человека в процессы киберсоциализации, присущие современному развивающемуся информационному обществу.

Методология

Теоретические основания

С учетом фундаментальности, универсальности и качественного разнообразия процессов киберсоциализации при разработке опросника мы опирались на следующие основания:

- субъектный и субъектно-деятельностный подходы в психологии (С. Л. Рубинштейн и др.), системный подход к детерминации психических явлений (Б. Ф. Ломов и др.), субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям (С. Л. Леньков), интегративно-типологический подход к психологической классификации профессиональной деятельности и определению ее требований к человеку (Н. Е. Рубцова);

- психологические теории: отношений (В. Н. Мясищев и др.), социального аттитюда (Г. Олпорт и др.), деятельности А. Н. Леонтьева, установки Д. Н. Узнадзе, ценностных ориентаций Э. Фромма, смысла В. Франкла;

- современные психологические, педагогические, социологические концепции позитивных и негативных проявлений киберсоциализации, затрагивающие аспекты личностного и профессионального самоопределения, цифровой компетентности, коммуникации в киберпространстве, кибераддикций и др. (А. Е. Войскунский,

Г. И. Ефремова, О. А. Карабанова, Г. У. Солдато-ва, I. Paus-Hasebrink, B. Zizek и др.).

Методы исследования

Для разработки опросника применялись

- методы создания психодиагностических методик, включающие процедуры отбора заданий, оценки валидности и надежности, проверки соответствия этическим и статистическим требованиям и др. [12];

- психодиагностические методики, которые использовались для психометрической проверки опросника: тест интернет-зависимости (*Internet Addiction Test*) К. Янг (K. S. Young) в русскоязычной адаптации В. А. Лоскутовой (Буровой) (цит. по: [3, с. 162-163]); социально-психологический опросник «Цифровая компетентность подростков и родителей» (Г. У. Солдатова и др.) [14]; опросник «Шкала онлайн-познания» (*The Online Cognition Scale, OCS*) Р. Дэвиса и др. (R. A. Davis, M. A. Gordon, L. Flett, A. Besser) в русскоязычной адаптации Э. Губенко, известный как «Опросник проблематичного использования Интернета Р. Дэвиса» (цит. по: [3, с. 164-167]);

- экспертная оценка вовлеченности в киберсоциализацию;

- релевантные методы статистического анализа данных: факторный и корреляционный анализ, методы оценки надежности тестов и др. [18].

Процедура разработки

Исходный набор заданий включал 65 пунктов. В ходе проверки на пилотных выборках пункты отбирались на основе следующих критериев:

- обеспечение содержательной валидности за счет сохранения семантической принадлежности пункта к искомой шкале или субшкале;
- высокая дискриминативность пункта;
- наличие факторной нагрузки свыше 0.5 только на один из выделенных факторов;
- отсутствие ухудшения внутренней согласованности (альфа Кронбаха) при добавлении пункта в шкалу или субшкалу.

В результате из первоначального списка было удалено 38 пунктов. Параллельно совершенствовались формулировки оставшихся заданий.

Выборка

Определение психометрических свойств итогового варианта опросника проведено на выборке молодежи, проживающей в Центральном округе России, в возрасте от 14 до 30 лет (среднее значение $M = 19.5$, стандартное отклонение $SD = 3.26$).

Выборка включила 305 человек, в том числе

– 143 женщин пола и 162 – мужчин;

– 108 школьников, 102 студента различных специальностей дневных отделений вузов, 95 работающих или безработных молодых людей (не студентов очной формы обучения и не школьников).

Результаты и их обсуждение

Концептуальные рамки

В соответствии с тотальным характером современной информатизации киберсоциализационные процессы сегодня характерны для любого возраста, начиная с дошкольного. Вместе с тем вряд ли возможно охватить в рамках одной методики весь возрастной диапазон человека. Поэтому целевая аудитория опросника ограничена *молодежью*, которая понимается в широком смысле: как социальная группа, представляющая возрастной диапазон от 14 до 30 лет и включающая старших подростков, юношей и молодых взрослых.

Далее, с учетом дискуссионности понятия *киберсоциализации*, в рамках исследования будем понимать ее как качественно специфичную составляющую общего процесса социализации, связанную с использованием разнообразных *кибертехнологий* – современных информационных технологий, подразумевающих применение, в первую очередь, компьютеров, компьютерных сетей, средств передачи данных и телекоммуникаций.

Важно подчеркнуть, что киберсоциализация является качественно новой частной формой социализации, ее наукоемкой и технико-технологически нагруженной составляющей, которая вместе с тем непрерывно повышает свою значимость среди других, более традиционных форм социализации.

Включенность человека в процессы киберсоциализации имеет не только непосредственные поведенческие проявления (деятельностные, деятельные, «поступковые»), но и проявления в виде субъективного *отношения* к таким процессам, интегрирующего аффективные, когнитивные, потребностные, мотивационные, ценностные, смысловые и иные компоненты. Для характеристики той роли, которую процессы киберсоциализации играют в общей структуре социализации человека, мы предпочли использовать термин «вовлеченность», поскольку, например, понятия «включенность» или «участие» имеют более выраженный акцент: во-первых, действенный, связанный с актуальным поведением; во-вторых, сознательный, в то время как вовлеченность в киберсоциа-

лизацию имеет существенную бессознательную составляющую (аналогично установке, отношению, аттитуду, равно как и человеческой личности в целом). Соответственно, в качестве англоязычного эквивалента вовлеченности в контексте исследования мы выбрали термин *«engagement»*, более точно передающий искомые смысловые оттенки, чем другие его семантические аналоги-конкуренты (например, *involvement, participation* или *inclusion*).

В рамках исследования мы построили и применили теоретическую модель, согласно которой психологическая структура вовлеченности в киберсоциализацию может быть представлена следующим образом (см. рисунок).

Во-первых, основные оси психологического пространства вовлеченности в киберсоциализацию могут быть представлены как «мотивация» и «компетентность»; при этом каждая такая ось расположена в континууме с полюсами «деструктивная – конструктивная».

Во-вторых, в этих осях вовлеченность в киберсоциализацию представляет собой функциональную интеграцию двух основных подсистем – соответственно конструктивной и деструктивной вовлеченности. При этом конструктивная вовлеченность еще не означает отсутствия каких бы то ни было проблем социализации: например, для студентов и выпускников вузов она еще не обеспечивает убедительных преимуществ в вопросах адекватного выбора профессии или места работы [24], а для молодежи в целом не исключает «парадокс технологической грамотности», состоящий в том, что многие, даже наиболее активные потребители кибертехнологий, обладают лишь крайне ограниченными техническими знаниями [25].

В-третьих, подсистема конструктивной вовлеченности содержит три компонента. Первый из них условно назван «Мотивация и опыт» и объединяет релевантные разнородные когнитивные, аффективные и интенциональные проявления, обеспечивающие вовлеченность личности в процессы киберсоциализации: собственно мотивацию, потребности, интересы, склонности и т. п., а также личный (субъективный) опыт (в первую очередь, аффективный) отношения и переживания связанный с деятельностью, взаимодействиями и отношениями в сфере киберсоциализации.

Второй компонент «Личностная позиция» объединяет релевантные диспозиционные проявления, относящиеся к ценностям, смыслам, убеждениям, установкам, личностной и субъектной позиции, а также к аксиологической и смысловой

части соответствующего личного (субъективного) опыта.

Третий компонент – «Компетентность» – объединяет релевантные разнородные когнитивные, регулятивные, психомоторные и иные исполнительские проявления компетентности, характеризующие знания, умения, навыки, а также накопленный опыт выполнения соответствующих видов деятельности и осуществления соответствующих взаимодействий.

Данные компоненты не являются абсолютно независимыми: между ними существуют атрибутивные связи, обуславливающие совместную детерминацию конструктивной вовлеченности в процессы киберсоциализации.

Подсистема деструктивной вовлеченности, в отличие от конструктивной, обладает значительно большей аморфностью и синкретичностью, поэтому выделять в ее составе аналогичные компоненты оказалось нецелесообразно.

Таким образом, построенная нами модель является, по сути, двухфакторной, включая факторы конструктивной и деструктивной вовлеченности; при этом первый фактор дополнительно интегрирует три более частных фактора (мотивации, личностной позиции и компетентности).

Общая характеристика опросника

Опросник вовлеченности в киберсоциализацию (ОВКС) представлен в Приложении и включает 27 пунктов, содержащих вопросы двух типов:

– содержащие четыре варианта ответов, из которых испытуемый может выбрать любое количество подходящих для него (от 0 до 4-х);

– согласие с которыми оценивается по 5-пунктовой шкале Лайкерта (с градациями от 0 – *Абсолютно неверно* до 4 – *Совершенно верно*).

Опросник содержит две основные шкалы. Шкала 1 «Конструктивная вовлеченность» содержит 21 пункт и включает три субшкалы:

– субшкала 1 «Конструктивная мотивация и опыт» (6 пунктов) представляет выраженность конструктивной мотивации киберсоциализации, а также аналогичного личного опыта, охватывающего релевантную деятельность, переживания и взаимодействия;

– субшкала 2 «Конструктивная личностная позиция» (7 пунктов) представляет сформиро-

ванность такой позиции по отношению к разнородным процессам киберсоциализации;

– субшкала 3 «Компетентность» (8 пунктов) выражает субъективное восприятие собственной конструктивной, созидательной компетентности в сфере кибертехнологий и взаимодействий в киберпространстве.

Шкала 2 «Деструктивная вовлеченность» (6 пунктов) объединяет разнородные проявления вовлеченности в негативную киберсоциализацию.

Результаты по субшкалам шкалы 1 суммируются, давая общий показатель по шкале. В отличие от этого, результаты по шкалам конструктивной и деструктивной вовлеченности не являются аддитивными: их суммирование не имеет смысла, так как в рамках нашей модели эти виды вовлеченности не являются ни взаимоисключающими, ни взаимоусиливающими, хотя и дополняют друг друга. Характер их совместного влияния более сложный, нелинейный и требует уточнения в последующих исследованиях.

Психометрические свойства

Для опросника ОВКС были проверены содержательная, критериальная и конструктивная валидность.

Содержательная валидность опросника ОВКС обусловлена тем, что при отборе пунктов смысловый критерий доминировал над формально-математическим. В итоге обеспечен содержательно гомогенный состав пунктов каждой шкалы и субшкалы.

Критериальная валидность опросника ОВКС была проверена для случая текущей валидности, состоящей в соответствии результатов независимому внешнему критерию. В качестве критерия использовалась экспертная оценка степени вовлеченности в процессы киберсоциализации (отдельно позитивной и негативной), выполняемая по следующей шкале: 1 – низкая, 2 – средняя, 3 – высокая. Для каждого испытуемого использовалась усредненная оценка пяти экспертов, в роли которых выступали учителя, преподаватели, руководители, специалисты в сфере кибертехнологий. Полученные оценки конструктивной и деструктивной включенности в киберсоциализацию непосредственно соответствуют шкалам опросника, а кроме того, косвенно подтверждают критериальную валидность субшкал шкалы 1 (см. табл. 1).

Таблица 1

Проверка критериальной валидности

Шкала	Субшкала	Корреляции с экспертной оценкой вовлеченности	
		конструктивной	деструктивной
1	1	.632**	-.006
	2	.586**	-.191**
	3	.607**	-.181**
	Шкала в целом	.859**	-.185**
2	-	-.104	.872**

Примечания: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Конструктивная валидность опросника была проверена для трех ее видов – факторной, дискриминантной и конвергентной.

Факторная валидность. Для извлечения факторов использовался метод главных компонент; в необходимых случаях (для шкалы 1 и опросника в целом) дополнительно применялось вращение методом «Варимакс с нормализацией Кайзера». Факторная структура опросника характеризуется следующим:

– в рамках каждой субшкалы выделился только один фактор с собственным значением, большим, чем 1.0, а процент объясненной дисперсии по нему составил для субшкал 1, 2 и 3 соответственно 49.1 %, 47.9 % и 41.7 %;

– в рамках шкалы 1 выделилось три фактора, в совокупности объясняющих 46.9 % дисперсии и соответствующих субшкалам; процент объясненной дисперсии по ним составил (после вра-

щения) для субшкал 1, 2 и 3, соответственно, 14.5 %, 16.3 % и 16.0 %;

– в рамках шкалы 2 выделился один фактор, объясняющий 49.3 % дисперсии.

Для опросника в целом (см. табл. 2 и 3) по формальному критерию собственных значений, по модулю больших, чем 1.0, выделяется 5 факторов, однако при этом последний, пятый фактор является намного более слабым, чем остальные, объясняя менее 5 % дисперсии. В свою очередь, при принудительном извлечении первых четырех факторов они в совокупности объясняют 47.9 % дисперсии, соответствуют субшкалам 1-3 шкалы 1 и шкале 2 и объясняют (после вращення), соответственно, 11.3 %, 12.8 %, 12.5 % и 11.3 % дисперсии. Минимальная факторная нагрузка на пункт варьирует от 0.56 (для субшкалы 3) до 0.66 (для субшкалы 1).

Таблица 2

Извлечение факторов ($N = 305$)

Фактор	Соб. знач.	Процент объясненной дисперсии					
		5 факторов ^а			4 фактора ^б		
		До	После	Кум.	До	После	Кум.
1	5.13	19.0	12.8	12.8	19.0	12.8	12.8
2	3.26	12.1	12.2	25.0	12.1	12.5	25.3
3	2.64	9.8	11.2	36.2	9.8	11.3	36.6
4	1.90	7.0	11.0	47.2	7.0	11.3	47.9
5	1.04	3.8	4.5	51.7			

Примечания: Соб. знач. – начальные собственные значения факторов; До – до вращення, После – после вращення, Кум. – куммулятивный процент.
^а при извлечении по собственным значениям, по модулю большим, чем 1.0.
^б при извлечении фиксированного количества (четыре) факторов.

Таблица 3

Повернутая матрица компонент ($N = 305$)

Пункт	Компонент			
	1	2	3	4
19	.75			
27	.70			
25	.69			
23	.67			
8	.66			
10	.64			
17	.64			

Пункт	Компонент			
	1	2	3	4
7		.77		
21		-.66		
2		.64		.27
26		.62		
14		.61		
22		.59		
4		.57		
16		.56		.25
15			.81	
18			.74	
12			.69	
24			.65	
3			.65	
9			.61	
1				.69
5				.69
11				.68
13				.67
20				.67
6	.24			.66

Примечания:
 1. Пункты отсортированы по величине факторных нагрузок.
 2. Компоненты 1, 2 и 4 отвечают, соответственно, субшкалам 2, 3 и 1 шкалы 1, а компонент 3 – шкале 2.
 3. Показаны только нагрузки, по абсолютной величине большие, чем 0.2.

Дискриминантная валидность доказывается отсутствием связи между измеряемым и каким-либо другим свойством. В нашем случае ее целесообразно проверить, в первую очередь, по отношению к интеркорреляциям шкал и субшкал опросника (см. табл. 4).

Интеркорреляция шкал является значимой, но весьма слабой ($r = -0.14$) и отрицательной, что подтверждает неаддитивность конструктивной и деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию.

Интеркорреляции субшкал шкалы 1 положительны и значимы, но при этом невысоки и варьируют в пределах от 0.18 до 0.37. Вместе с тем корреляции шкалы 1 со своими субшкалами достаточно высоки и варьируют в пределах от 0.68 до 0.73. Все это подтверждает дискриминантную валидность шкалы 1.

Интересно рассмотреть связи между шкалой 2 и субшкалами шкалы 1:

– корреляция с субшкалой 1 незначима ($p > 0.05$), из чего следует, что деструктивная вовлеченность в киберсоциализацию может, в принципе, сочетаться с одновременным наличием конструктивной мотивации и опыта;

– в отличие от предыдущего, корреляция с субшкалой 2 значима ($p < 0.01$) и отрицательна ($r = -0.20$), из чего следует, что наличие конструктивной личностной позиции в определенной степени препятствует деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию;

– наконец, в отличие от предыдущих случаев, корреляция с субшкалой 3 является положительной и достаточно сильной ($r = 0.72$); данный факт показывает, что компетентность киберсоциализации является в значительной степени лишь технологической и может одинаково хорошо сочетаться как с конструктивной, так и с деструктивной вовлеченностью.

Таблица 4

Интеркорреляции и описательные статистики (N = 305)

№ п/п	Переменная	1	2	3	4	5
1	Субшкала 1	16.0 (4.27)	.20**	.37**	.72**	.11
2	Субшкала 2		19.6 (4.91)	.18**	.68**	-.20**
3	Субшкала 3			23.1 (4.62)	.73**	.72**
4	Шкала 1				58.7 (9.74)	-.14*
5	Шкала 2					7.0 (4.54)

Примечания: на диагонали показаны значения M (SD), выше – интеркорреляции; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Конвергентная валидность определялась по соответствию результатам методик с известным конструктивным содержанием (см. табл. 5). В качестве таких методик использовались представленные

выше опросник Г. У. Солдатовой и др., а также русскоязычные адаптации опросников К. Янг и Р. Дэвиса и др.

Таблица 5

Корреляции с результатами внешних методик (N = 305)

Методика и шкала	Субшкалы ОВКС			Шкалы ОВКС	
	1	2	3	1	2
I. Методика Р. Дэвиса и др.					
1. Социальный комфорт	.13*	-.13*	-.02	-.02	.40**
2. Одиночество/депрессия	.24**	-.17**	-.03	.01	.73**
3. Сниженный самоконтроль	-.02	-.18**	-.19**	-.19**	.83**
4. Отвлечение	.21**	-.12*	-.07	-.01	.79**
Общая шкала	.13*	-.18*	-.12*	-.09	.84**
II. Методика К. Янг	.05	-.13*	-.11	-.10	.85**
III. Методика Г. У. Солдатовой и др.					
1 Знания	.54**	.28**	.55**	.63**	-.11
2 Мотивация	.56**	.25**	.57**	.64**	-.13*
3 Ответственность	.28**	.13*	.48**	.41**	-.12*
4 Умения	.37**	.16**	.31**	.39**	-.08
Индекс цифровой компетентности	.51**	.24**	.57**	.61**	-.13*

Примечание: * p < 0.05, ** p < 0.01.

Для шкал выявлены следующие значимые корреляции Пирсона:

– шкала 1 положительно коррелирует со всеми шкалами методики Г. У. Солдатовой и др. и отрицательно – со шкалой 3 опросника Р. Дэвиса и др.;

– шкала 2 положительно коррелирует со шкалой методики К. Янг и всеми шкалами опросника Р. Дэвиса и др., включая общую шкалу проблематичного использования Интернета; при этом шкала 2 отрицательно коррелирует со шкалами мотивации, ответственности и индекса цифровой компетентности методики Г. У. Солдатовой и др.

Каждая из субшкал шкалы 1 положительно коррелирует со всеми шкалами методики Г. У. Солдатовой и др. Кроме этого,

– субшкала 1 положительно коррелирует со шкалами 1, 2, 4 и общей шкалой опросника Р. Дэвиса и др.; хотя полученные корреляции и являются слабыми, данный факт все же показывает, что даже конструктивная мотивация киберсоциализации находится довольно близко к «зоне риска», к проблемам одиночества, поиска социального комфорта и способов отвлечения от реальных жизненных проблем;

– субшкала 2 отрицательно коррелирует со шкалой методики К. Янг и всеми шкалами опросника Р. Дэвиса и др.;

– субшкала 3 отрицательно коррелирует со шкалой 3 и общей шкалой опросника Р. Дэвиса и др.

Таблица 6

Показатели надежности

Шкала	Число пунктов	Надежность по внутренней согласованности (N = 305)		Ретестовая надежность (N = 136)
		alpha	rSB	
Субшкала 1	6	.789	.819	.820
Субшкала 2	7	.816	.836	.787
Субшкала 3	8	.797	.807	.843
Шкала 1	21	.830	.839	.889
Шкала 2	6	.791	.838	.826

Примечания: alpha – альфа Кронбаха, rSB – коэффициент Спирмена-Брауна, где половинное расщепление теста выполнялось по четным и нечетным вопросам из состава шкалы или субшкалы.

Проверка надежности опросника ОВКС представлена в таблице 6. Надежность по внутренней согласованности для шкал и субшкал методики варьирует для коэффициента альфа Кронбаха в пределах от 0.789 до 0.830, для коэффициента Спирмена-Брауна – от 0.807 до 0.839.

Ретестовая надежность была определена на подвыборке (N = 136) исходной выборки с ретестовым интервалом от одного до двух месяцев. Коэффициент Пирсона между показателями «тест – ретест» для шкал и субшкал методики варьирует в пределах от 0.787 до 0.889. Таким образом, надежность опросника ОВКС превосходит показатели надежности многих известных личностных опросников [12].

Можно отметить также ряд ограничений проведенного исследования, которые вместе с тем определяют перспективы его продолжения:

- намеренно оставлен открытым вопрос о стандартизации шкал и получении соответствующих тестовых норм: такие нормы целесообразно выделить не для молодежи в целом, а в более детальном виде, в ходе исследований на выборках, диверсифицированных по полу, возрасту, социальному статусу (школьник, студент, работающий, безработный), уровню образования, региональным и социокультурным особенностям;

- подобная диверсификация может также повлиять на показатели надежности опросника;

- не получена прогностическая валидность опросника, которую целесообразно определить в будущих лонгитюдных исследованиях;

- представленный вариант опросника является кратким и в силу этого неизбежно огрубляет модель вовлеченности в киберсоциализацию; для углубленной диагностики целесообразно создавать более полные версии аналогичных опросников, представляющие расширенную психологическую структуру вовлеченности в киберсоциализацию.

Заключение

Представленная в работе теоретическая модель вовлеченности в киберсоциализацию обладает определенным преимуществом, в сравнении с существующими многочисленными моделями, представляющими те или иные аспекты киберсоциализации: наша модель доведена до операционализации своего ключевого конструкта и в этом плане является готовой к непосредственному прикладному применению. С учетом этого можно отметить, что представленный опросник вовлеченности в киберсоциализацию является новым, не

имеет прямых аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной психологии и при этом обладает удовлетворительными психометрическими свойствами. Все это позволяет надеяться, что опросник найдет применение в исследованиях киберсоциализации молодежи и в практике ее целенаправленного психолого-педагогического сопровождения.

Библиографический список

1. Ацута, А. И. Медиапотребление и медиаторчество: к вопросу об эффективной киберсоциализации молодежи [Текст] / А. И. Ацута // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 1(23). – С. 18-23.
2. Баева, Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» [Текст] / Л. В. Баева // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2(54). – С. 39-54.
3. Белинская, Е. П. Психология Интернет-коммуникации [Текст]: учеб. пособие / Е. П. Белинская. – М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. – 192 с.
4. Верейкина, С. Н. О критериях успешности, успешной социализации и киберсоциализации личности [Текст] / С. Н. Верейкина // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 1-1. – С. 81-87.
5. Войскунский, А. Е. Направления исследований опосредованной интернетом деятельности [Текст] / А. Е. Войскунский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 1. – С. 51-66.
6. Волгин, Е. В. Негативные последствия киберсоциализации несовершеннолетних [Текст] / Е. В. Волгин, Р. Н. Андреасян, Э. Р. Исхаков // Прикладная психология и педагогика. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 58-68.
7. Зарецкая, О. В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме [Электронный ресурс] / О. В. Зарецкая // Психолого-педагогические исследования. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 135-155. – URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2017090213>
8. Карабанова, О. А. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков [Текст] / О. А. Карабанова, С. В. Молчанов // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 3(31). – С. 37-46.
9. Лучинкина, А. И. Специфика интернета как института социализации [Текст] / А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 59-69.
10. Никишина, В. Б. Лингвосоаналитические характеристики коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях [Текст] / В. Б. Никишина, Е. А. Петраш, И. В. Запесоцкая // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 5. – С. 69-79.
11. Мазиллов, В. А. Новые перспективы психологии деятельности [Текст] / В. А. Мазиллов,

Ю. Н. Слепко // Вопросы психологии. – 2015. – № 1. – С. 162-164.

12. Орел, В. Е. Основы психодиагностики: учеб. Пособие [Текст] / В. Е. Орел, И. Г. Сенин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. – 140 с.

13. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире [Текст] / Г. У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71-80.

14. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования [Текст] / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. – М. : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

15. Carras, M. C., Van Rooij, A. J., Van de Mheen, D., Musci, R., & Mendelson, T. Video gaming in a hyper-connected world: A cross-sectional study of heavy gaming, problematic gaming symptoms, and online socializing in adolescents // Computers in Human Behavior. – March 2017. – Vol. 68. – P. 472-479.

16. Chebunina, O. A., Zhapuev, Z. A., Kartashevich, E. V., & Gnatyuk, M. A. Social Networks Influence on Young People Socialization: Study Peculiarities in Contemporary Social Theory // International Journal of Applied Exercise Physiology. – 2019. – Vol. 8(2.1). – P. 478-484.

17. Delaney, T., & Madigan, T. Friendship and Happiness. – Jefferson, NC, USA: McFarland, 2017. – 296 p.

18. Field, A. P. Discovering Statistics Using IBM SPSS Statistics. 5th ed. – Los Angeles, CA, USA: Sage, 2018. – 816 p.

19. Goe, R., Ipsen, C., & Bliss, S. Pilot Testing a Digital Career Literacy Training for Vocational Rehabilitation Professionals // Rehabilitation Counseling Bulletin. – 2018. – Vol. 61(4). – P. 236-243.

20. Hawk, S. T., van den Eijnden, R. J. J. M., van Lissa, C. J., & ter Bogt, T. F. M. Narcissistic adolescents' attention-seeking following social rejection: Links with social media disclosure, problematic social media use, and smartphone stress // Computers in Human Behavior. – March 2019. – Vol. 92. – P. 65-75.

21. Honnekeri, B. S., Goel, A., Umate, M., Shah, N., & De Sousa, A. Social anxiety and Internet socialization in Indian undergraduate students: An exploratory study // Asian Journal of Psychiatry. – June 2017. – Vol. 27. – P. 115–120.

22. Huang, Y. C., Backman, S. J., Backman, K. F., McGuire, F. A., & Moore, D. An Investigation of Motivation and Experience in Virtual Learning Environments: A Self-Determination Theory // Education and Information Technologies. – Jan. 2019. – Vol. 24(1). – P. 591-611.

23. Krasilnikov, A., & Smirnova, A. Online social adaptation of first-year students and their academic performance // Computers & Education. – Oct. 2017. – Vol. 113. – P. 327-338.

24. Lenkov, S. L., & Rubtsova, N. E. Cyber Socialization of Russian Youth: Risks of Professional

Self-determination // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2019. – Vol. 321. Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019). – P. 116-122.

<https://doi.org/10.2991/ispcpep-19.2019.28>

25. Patterson, G. The Tech Literacy Imperative // Project Syndicate. Jan 18, 2016. – URL: <https://www.project-syndicate.org/>

26. Paus-Hasebrink, I., Kulterer, J., & Sinner, P. Social Inequality, Childhood and the Media: A Longitudinal Study of the Mediatization of Socialisation. – London, UK: Palgrave Macmillan, 2019. – 314 p.

27. Stornaiuolo, A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites // Human Development. – 2017. – Vol. 60(5). – P. 233-238.

28. Whillans, A. V., & Chen, F. S. Facebook undermines the social belonging of first year students // Personality and Individual Differences. – Oct. 2018. – Vol. 133. – P. 13-16.

29. Zizek, B. Digital Socialization? An Exploratory Sequential Analysis of Anonymous Adolescent Internet-Social Interaction // Human Development. – 2017. – Vol. 60(5). – P. 203-232.

Reference List

1. Acuta, A. I. Mediapotreblenie i mediatvorchestvo: k voprosu ob jeffektivnoj kibersocializacii molodezhi = Media consumption and media creation: to the question of effective cyber socialization of young people [Текст] / A. I. Acuta // Знак: problemnoe pole mediaobrazovaniya. – 2017. – № 1(23). – S. 18-23.

2. Baeva, L. V. Jeskapizm v cifrovom sociume: ot hikikomori do «grupp smerti» Escapism in digital society: from hikikomori to «death groups» [Текст] / L. V. Baeva // Cennosti i smysly. – 2018. – № 2(54). – S. 39-54.

3. Belinskaja, E. P. Psihologija Internet-kommunikacii = Internet communication psychology [Текст] : ucheb. posobie / E. P. Belinskaja. – М. : MPSU; Voronezh : MODJeK, 2013. – 192 s.

4. Verejkina, S. N. O kriterijah uspešnosti, uspešnoj socializacii i kibersocializacii lichnosti = On criteria of success, successful socialization and cyber-socialization of the personality [Текст] / S. N. Verejkina // Prepodavatel' XXI vek. – 2018. – № 1-1. – S. 81-87.

5. Vojskunsij, A. E. Napravlenija issledovanij oposredovannoj internetom dejatel'nosti = Research directions for Internet-mediated activity [Текст] / A. E. Vojskunsij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. – 2017. – № 1. – S. 51-66.

6. Volgin, E. V. Negativnye posledstviya kibersocializacii nesovershennoletnih = Negative consequences of the cyber-socialization of minors [Текст] / E. V. Volgin, R. N. Andreasjan, Je. R. Ishakov // Prikladnaja psihologija i pedagogika. – 2018. – Т. 3. – № 3. – S. 58-68.

7. Zareckaja, O. V. Komp'juternaja i internet-zavisimost': analiz i sistematizacija podhodov k

probleme = Computer and Internet addiction: analysis and systematization of approaches to the problem [Jelektronnyj resurs] / O. V. Zareckaja // Psihologo-pedagogicheskie issledovanija. – 2017. – T. 9. – № 2. – S. 135-155. – URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2017090213>

8. Karabanova, O. A. Riski negativnogo vozdeystvija informacionnoj produkcii na psihicheskoe razvitiie i povedenie detej i podrostkov = Risks of negative impact of information products on children and adolescents' mental development and behaviour [Tekst] / O. A. Karabanova, S. V. Molchanov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2018. – № 3(31). – S. 37-46.

9. Luchinkina, A. I. Specifika interneta kak instituta socializacii = Specifics of the Internet as an institution of socialization [Tekst] / A. I. Luchinkina // Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologija obrazovanija. – 2019. – T. 5. – № 1. – S. 59-69.

10. Nikishina, V. B. Lingvosemanticheskie karakteristiki kommunikativnogo povedenija molodezhi v social'nyh setjah = Linguosemantic characteristics of young people's communication behavior on social networks [Tekst] / V. B. Nikishina, E. A. Petrash, I. V. Zapesockaja // Psihologicheskij zhurnal. – 2017. – T. 38. – № 5. – S. 69-79.

11. Mazilov, V. A. Novye perspektivy psihologii dejatel'nosti = New perspectives of activity psychology [Tekst] / V. A. Mazilov, Ju. N. Slepko // Voprosy psihologii. – 2015. – № 1. – S. 162-164.

12. Orjol, V. E. Osnovy psihodiagnostiki: ucheb. Posobie = Basics of Psychodiagnostics: a manual [Tekst] / V. E. Orjol, I. G. Senin. – 2 e izd., pererab. i dop. – Jaroslavl': JarGU, 2007. – 140 s.

13. Soldatova, G. U. Cifrovaja socializacija v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenjajushhij rebenok v izmenjajushhem mire = Digital socialization in a cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world [Tekst] / G. U. Soldatova // Social'naja psihologija i obshhestvo. – 2018. – T. 9. – № 3. – S. 71-80.

14. Cifrovaja kompetentnost' podrostkov i roditel'ej. Rezul'taty vsjerossijskogo issledovanija = Digital competence of teenagers and parents. Results of the All-Russian study [Tekst] / G. U. Soldatova, T. A. Nestik, E. I. Rasskazova, E. Ju. Zotova. – M.: Fond Razvitiya Internet, 2013. – 144 s.

15. Carras, M. C., Van Rooij, A. J., Van de Mheen, D., Musci, R., & Mendelson, T. Video gaming in a hyper-connected world: A cross-sectional study of heavy gaming, problematic gaming symptoms, and online socializing in adolescents // Computers in Human Behavior. – March 2017. – Vol. 68. – P. 472-479.

16. Chebunina, O. A., Zhapuev, Z. A., Kartashevich, E. V., & Gnatyuk, M. A. Social Networks Influence on Young People Socialization: Study Peculiarities in Contemporary Social Theory // International Journal of Applied Exercise Physiology. – 2019. – Vol. 8(2.1). – P. 478-484.

17. Delaney, T., & Madigan, T. Friendship and Happiness. – Jefferson, NC, USA: McFarland, 2017. – 296 p.

18. Field, A. P. Discovering Statistics Using IBM SPSS Statistics. 5th ed. – Los Angeles, CA, USA: Sage, 2018. – 816 p.

19. Goe, R., Ipsen, C., & Bliss, S. Pilot Testing a Digital Career Literacy Training for Vocational Rehabilitation Professionals // Rehabilitation Counseling Bulletin. – 2018. – Vol. 61(4). – P. 236-243.

20. Hawk, S. T., van den Eijnden, R. J. J. M., van Lissa, C. J., & ter Bogt, T. F. M. Narcissistic adolescents' attention-seeking following social rejection: Links with social media disclosure, problematic social media use, and smartphone stress // Computers in Human Behavior. – March 2019. – Vol. 92. – P. 65-75.

21. Honnekeri, B. S., Goel, A., Umate, M., Shah, N., & De Sousa, A. Social anxiety and Internet socialization in Indian undergraduate students: An exploratory study // Asian Journal of Psychiatry. – June 2017. – Vol. 27. – P. 115–120.

22. Huang, Y. C., Backman, S. J., Backman, K. F., McGuire, F. A., & Moore, D. An Investigation of Motivation and Experience in Virtual Learning Environments: A Self-Determination Theory // Education and Information Technologies. – Jan. 2019. – Vol. 24(1). – P. 591-611.

23. Krasilnikov, A., & Smirnova, A. Online social adaptation of first-year students and their academic performance // Computers & Education. – Oct. 2017. – Vol. 113. – P. 327-338.

24. Lenkov, S. L., & Rubtsova, N. E. Cyber Socialization of Russian Youth: Risks of Professional Self-determination // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2019. – Vol. 321. Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019). – P. 116-122. <https://doi.org/10.2991/ispcep-19.2019.28>

25. Patterson, G. The Tech Literacy Imperative // Project Syndicate. Jan 18, 2016. – URL: <https://www.project-syndicate.org/>

26. Paus-Hasebrink, I., Kulterer, J., & Sinner, P. Social Inequality, Childhood and the Media: A Longitudinal Study of the Mediatization of Socialisation. – London, UK: Palgrave Macmillan, 2019. – 314 p.

27. Stornaiuolo, A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites // Human Development. – 2017. – Vol. 60(5). – P. 233-238.

28. Whillans, A. V., & Chen, F. S. Facebook undermines the social belonging of first year students // Personality and Individual Differences. – Oct. 2018. – Vol. 133. – P. 13-16.

29. Zizek, B. Digital Socialization? An Exploratory Sequential Analysis of Anonymous Adolescent Internet-Social Interaction // Human Development. – 2017. – Vol. 60(5). – P. 203-232.